

П. Я. ЧААДАЕВА 1848 г.

Сообщение Д. Шаховского

Царская власть старалась всячески вытравить имя Чаадаева из памяти общества. Пытались просто выкинуть его из бытия. Лишить не только языка, а и ума. Распорядиться, чтобы его как будто совсем не бывало. Запрещали не только хвалить, но и опровергать. Нельзя сказать, чтобы усилия этого гасительного усердия были бесплодны. Им удавалось свести почти на нет знакомство с пламенной мыслью, которая отличает выступления Чаадаева. Конечно, успех этой борьбы возможен был только потому, что современное Чаадаеву общество не досрочно до понимания его мысли. Чаадаев хорошо понимал, еще до официального признания его безумия, что он пишет для тех, кто будет жить и мыслить в России через сто лет. Иногда только вспыхивала в нем безумная надежда на чудо понимания со стороны современников. Но стоило ему осмотреться и опомниться, и он решительно говорил: «Вам известно, что я никогда не думал о публике, что я даже никогда не мог постигнуть, как можно писать для такой публики, как наша: все равно обращаться к рыбам морским, к птицам небесным» (письмо к Мещерской 15 апреля 1836 г.). В заключение своих двух писем о философии истории он точно определил значение своего дела: «Сделаем все, что можем, чтобы подготовить путь нашим потомкам. Так как мы не можем завещать им то, чего не имели сами — верований, образованного временем ума, резко очерченной индивидуальности, мнений, развивавшихся в течение долгой, оживленной и деятельной умственной жизни, плодотворной по своим результатам, — то оставим им по крайней мере несколько идей, которые, и не нами найденные, все же, переходя от одного поколения к другому, приобретут некоторый традиционный элемент и в силу этого будут обладать большей силой и плодотворностью, чем наши собственные мысли. И вот этим мы окажем важную услугу потомству и проживем на земле не напрасно».

Чаадаев имел несколько столкновений с властями, а главное, — пережил такое событие, как разгром восстания 14 декабря. Все это наложило особый отпечаток на его высказывания. В конце концов он усвоил себе такой иронический способ выражения, из-под которого сразу не разберешь: славословит он или издевается. Знаменитое шевченковское: «молчат, ибо благоденствуют» — служит лучшим образцом такого славословия-издевки. Поэтому не удивительно, что о его политических взглядах существуют самые противоположные мнения.

Вот почему приобретает особенную важность вновь найденная О. Г. Шереметевой запись, очевидно 1848 г., после февральской революции, вложенная Чаадаевым в одну из книг своей библиотеки. Книга эта: «Histoire de la littérature Hindous et Hindustani par. M. Gavcin, de Fassy. Paris. МДСССXXXIX». Ни в какой внутренней связи со вложенным листком она, таким образом, не состоит. Запись сделана на почтовой бумаге приблизительно одинакового размера с форматом книги и при сдаче ее в переплет в Румянцевской, ныне Ленинской, Библиотеке по счастливой случайности не была выкинута переплетчиком как нечто постороннее, а вошла в состав переплетенного экземпляра как часть книги. По-

черк Чаадаева, с почти клинообразными очертаниями букв, способствовал счастливой ошибке переплетчика.

Запись эта, фотографический снимок с которой здесь прилагаем, в точной транскрипции такова:

Братья любезные, братья горемычные, люди русские, православные, дошла-ли до вас весточка, весточка [зачеркнуто: громогласная, добрая] громогласная, что народы вступили, народы крестьянские, взволновались, всколебались, аки волны окиана моря, моря синего! Дошел ли до вас слух из земель далеких, что братья ваши, разных племен, на своих царей-государей [зачеркнуто: восстали] поднялись все, восстали все до одного человека! Не хотим, говорят, своих царей, государей, не хотим им слушаться. Долго они нас угнетали, поработали по своей [неразборчиво] часто [неразборчиво] [зачеркнуто: заставляли] [подписано:] понуждали горькую [надписано:] чашу [неразобрано] четыре зачеркнутых слова испивать заставляли. Не хотим царя другого окромя царя небесного.

Устранив случайные ошибки, зачеркнутое и повторение слов, получаем следующий текст:

Братья любезные, братья горемычные, люди русские, православные, дошла-ли до вас весточка, весточка громогласная, что народы вступили, народы крестьянские взволновались, всколебались, аки волны окиана-моря, моря синего! Дошел ли до вас слух из земель далеких, что братья ваши, разных племен, на своих царей-государей поднялись все, восстали все до одного человека! Не хотим, говорят, своих царей, государей, не хотим их слушаться. Долго они нас угнетали, поработали, часто горькую чашу испивать заставляли. Не хотим царя другого, окромя царя небесного.

Что запись собственноручно сделана Чаадаевым, представляется совершенно несомненным. Совсем исключительный по своему своеобразию почерк Чаадаева и нахождение листка в принадлежавшей ему книге служит достаточным этому доказательством. Мы имеем и другой случай утайки Чаадаевым своей статьи в книге. В одном из томов «Истории Франции» Сисмонди нашлась довольно большая статья Чаадаева по польскому вопросу, тщательно туда вклеенная¹.

С другой стороны, внесенные в рукопись этой курьезной прокламации поправки, очевидно, в самый момент ее написания, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что это не копия, а авторский экземпляр, следовательно—она представляет собою произведение Чаадаева.

Вместе с тем, самый тон и приемы изложения с весьма неискусной подделкой под народный язык свидетельствуют о том, что это вовсе не шутка, а вылившееся из души серьезное произведение, имевшее целью возбуждение известных свободололюбивых мыслей в массах.

Вдумавшись в содержание этого документа, мы найдем полное объяснение и его происхождения, и возможности возникновения...

Время его написания может быть точно определено: это, конечно, отражение первых раскатов, прокатившихся по всей Европе после февральской революции 1848 г. во Франции. Связывать листок с июльской революцией 1830 г. невозможно. Самый почерк, которым он написан, установился у Чаадаева лишь после 1831 г., да и содержание говорит о размерах движения, которому вовсе не соответствуют факты 1830 г. К тому же июльская революция, как известно, вызывала в Чаадаеве совсем иного рода мысли, а самое ошутительное ее последствие для России—польское восстание в ноябре 1830 г.—встретило решительное осуждение Чаадаева.

Общее направление мыслей автора прокламации не должно поражать нас и не составляет даже полной неожиданности. Еще в напечатанных Гершензоном «Отрывках» 1832 г. имеются такие суждения:

«Что такое общественный порядок? Временное лекарство временному недугу».

ных. Выпишем один из них (в переводе) целиком: «Социализм победит: не потому, что он прав, а потому, что мы неправы...» А затем, через несколько афоризмов он говорит об естественном праве рабочих на использование всех благ цивилизации и при этом напоминает, что если новые претенденты на место под солнцем и не совсем учтиво заставят старых владык потесниться, то все же они в этом только последуют образцу расправ, при помощи которых был водворен нынешний «порядок».

Конечно, ожидать от Чаадаева каких-либо определенных представлений о самом ходе предстоящего в России переворота не приходится. Его положительная программа, насколько можно говорить о ней, полна неопределенности и утопизма.

Надо думать, что, написав свою «прокламацию», Чаадаев тотчас убедился, что единственный путь, ей свойственный — поскорее упрятать ее от взоров властей и «народа». Ведь не через посетителей московских салонов мог бы он «подымать народ». Но, повидимому, новая полоса его мыслей во время революционных бурь 1848 г. осталась не без отклика и в литературной его деятельности. Между его бумагами нашлась «Воскресная беседа сельского священника» с подписью Петр Басманский. Беседа эта по экземпляру, бывшему у Свербеевых, напечатана Н. В. Голицыным в последней вышедшей книжке «Вестника Европы» (1918, № 1—4). Суть проповеди — радикальное осуждение всякого богатства. Но естественно, что обстановка, окружавшая Чаадаева, не способна была поддержать его на высоте живых откликов на переживаемые исторические события...

Однако же сохранившийся листок остается свидетельством подлинного чаадаевского лица. Многое сомнительное в высказываниях Чаадаева получает в свете «Прокламации» определенный смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга эта вместе со вклейкой, найденной при исследовании значительного собрания книг Чаадаева, находящегося в Библиотеке имени В. И. Ленина, передана в рукописное отделение этой библиотеки.

² См. «Сочинения и письма» П. Я. Чаадаева под ред. М. О. Гершензона, т. I, М. 1913, стр. 153.

³ См. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 264 след.